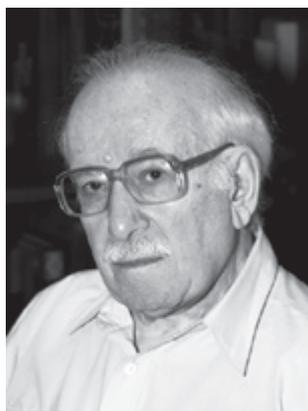

Кое-что о препятствиях на пути квалиметрии

Г.Г. Азгальдов

*д.э.н., проф.,
гл. науч. сотрудник
лаборатории
анализа инвести-
ционных проектов
ЦЕМИ РАН, вице-
президент отделения
«Квалиметрия»,
г. Москва*

Новое в науке не всегда принимается легко. Причины для этого могут быть самые разные: от элементарного неприятия нового и до бюрократического «как бы чего не вышло». Все это полностью относится и к квалиметрии.

За почти 45 лет, что автор занимается квалиметрией, ему пришлось больше сотни раз выступать на эту тему в различных аудиториях, будучи лектором всесоюзной квалификации общества «Знание», или просить о встрече с неординарными людьми (Лицами, Принимающими Решения – ЛПР). Конечно, далеко не всегда эти выступления или встречи имели значение, большее, чем обычное просветительское. Но из всех встреч с аудиторией или конкретными людьми автор считает возможным выделить двадцать семь, каждая из которых оказала определенное влияние, положительное или отрицательное, на будущее квалиметрии. Конечно, нереально в одной статье описать почти три десятка случаев, но вот четыре из них, по мнению автора, заслуживают того, чтобы о них рассказать более подробно. Возможно, они заинтересуют читателя.

Встреча с заведующим сектором ЦК КПСС Бабиным М.П.

В конце 60-х годов мне попалась на глаза маленькая брошюрка о качестве работы в промышленности. Сама по себе она ничего интересного не представляла, кроме одного: как я случайно узнал, один из ее авторов (М.П. Бабин) работал в ЦК КПСС. И не просто работал, а заведовал сектором в отделе машиностроения. И не просто заведовал сектором, а тем сектором, в сферу ответственности которого входил Госстандарт СССР.

Узнав телефон Бабина и позвонив ему, я представился его читателем и напросился на встречу. Как и любому автору, ему было интересно поговорить

с одним из благожелательно настроенных к нему читателей. Постепенно мы перешли на другую, но близкую тему – квалиметрию, которую, как выяснилось, он на дух не принимает, но все же снизошел до того, что позволил мне спорить с собой. И чувствуя, что в нашем споре он проигрывает, выдвинул последний, убийственный аргумент. «Зачем, – сказал он, завершая затянувшуюся беседу, – нужна ваша квалиметрия? Дайте моей жене любые две вещи из домашнего обихода, попросите сравнить их по качеству, и она легко это сделает без всякой квалиметрии».

Дальнейший разговор не имел смысла.

Встреча с заместителем начальника Военно-инженерной академии им. Куйбышева (ВИА) по учебной и научной работе генералом Макаревым

Около 40 лет я провел на военной службе, из которых четверть века занимался преподаванием в ВИА. Понятно, что кроме преподавательской работы мне приходилось заниматься и исследовательской деятельностью, в частности, в области квалиметрии. Я писал статьи и книги, все они подлежали проверке специальной комиссией, подтверждающей отсутствие в них секретных сведений. Выводы комиссии утверждал генерал Макаревский. Однажды он отказался утвердить очередную порцию таких материалов, включающую одну монографию и один доклад по квалиметрии на международной конференции (в соавторстве с Э.П. Райхманом), и приказал провести расследование – не мешает ли публикационная деятельность моим прямым служебным преподавательским обязанностям. Генералу доложили, что отнюдь не мешает (выполняемая мной преподавательская нагрузка составляла 130% от плановой), но все же он отказался утверждать выводы комиссии. Мне ничего не оставалось делать, как записаться к нему на прием. Далее привожу почти дословную запись моей беседы с генералом Макаревым.

Азгальдов: Товарищ генерал, мне сообщили, что Вы отказались утвердить акт комиссии. Можно узнать, по какой причине?

Генерал Макаревский: Товарищ Азгальдов, нельзя так много писать. Например, я полтора года назад дал статью в «Военно-инженерный журнал», и ее до сих пор не напечатали. А Вы публикуете по десять статей в год. Нехорошо это.

Азгальдов: Товарищ генерал, у вас дома есть телевизор?

Генерал Макаревский: Конечно, есть.

Азгальдов: А у меня – нет. Я специально его не покупаю, чтобы он не отвлекал меня от научной работы.

Генерал Макаревский: И все-таки, нельзя так много писать.

Азгальдов: Разрешите поинтересоваться, сколько Вам было лет, когда Вы стали генералом?

Генерал Макаревский: 39 лет.

Азгальдов: Вот видите, очевидно, у Вас были особые способности, чтобы в 39 лет стать генералом. А другие и в 50 лет остаются подполковниками.

Генерал Макаревский: И все-таки, нельзя так много писать.

Азгальдов: Товарищ генерал, люди все разные. Кто-то бегают 100 м за 10 секунд, а кто-то не выходит и из 15.

Генерал Макаревский: Нельзя так много писать. Но давайте договоримся так – я подпишу только один из этих двух материалов, по вашему выбору.

Азгальдов: Тогда подпишите статью на международную конференцию – там очень жесткие сроки.

Таким образом, эта статья (на английском языке), в которой впервые описывался генезис и возникновение квалиметрии, все же увидела свет.

Что же касается другой работы, отвергнутой генералом Макаревским, то после того, как ее проверил начальник ВИА им. Куйбышева, она в 1962 г. вышла в издательстве «Экономика». С тех пор это самая цитируемая работа в институте, где, по окончании армейской службы, я и работаю: в Центральном экономико-математическом институте Российской академии наук (ЦЭМИ РАН). Индекс цитируемости (на июль 2014 г.) – более 160.

Обращение к председателю Госкомитета по науке и технике СССР академику Кириллину В.А.

Где-то в середине 70-х годов я случайно узнал, что ЦК КПСС поручил академику В.А. Кириллину координировать подготовку очередного пленума ЦК с целью разработки «Стратегического плана интенсификации советской экономики». Соответствующие предложения почти все заинтересованные министерства уже представили в ГКНТ.

Поскольку я искренне считал (и до сих пор считаю), что одно из самых эффективных направлений использования квалиметрии лежит в русле объединения ее возможностей с потенциалом планового хозяйства, то решил подать соответствующие предложения в ГКНТ Кириллину. Меня почти не смущало (очевидно, в силу сравнительно молодого возраста), что я, безвестный подполковник, предлагал изменения в народном

хозяйстве СССР калибра второй экономической реформы.

Словом, я быстро сочинил академику письмо, в котором просил принять меня и уделить 10 минут для изложения сути моих предложений. Я был готов к тому, чтобы по истечении этого времени меня с позором выгнали. (Правда, только в том случае, если Кириллину дальнейшее будет неинтересно).

Самое поразительное, что через два дня меня вызвали в ГКНТ. Конечно, не к Кириллину, но к достаточно высокопоставленному чиновнику – начальнику общего отдела. (Я уже не помню его фамилию, поэтому буду обозначать его просто – НОО: начальник общего отдела). Мы с ним проговорили около трех часов. Он сказал, что академик заинтересовался моим предложением, и главным образом потому, что большинство министерств предлагали в качестве основной меры стимулирования допущение безработицы, а в моих предложениях (основанных на использовании квалиметрии) она исключалась.

Но в конце беседы НОО ошарашил меня неожиданным предложением. Я должен был самостоятельно (!) найти крупное предприятие (а лучше – главк; а еще лучше – промышленное министерство), которое согласится взять на себя риск выступить инициатором и участником крупнейшего экономического эксперимента! Только представьте себе картину: в министерство приходит практически «с улицы» преподаватель малоизвестной военной академии и предлагает на базе этого министерства провести никому не понятный эксперимент. Да мне элементарно просто временный пропуск на вход не выпишут! И это предложение делает высокопоставленный чиновник ГКНТ, для которого общение с министрами и замминистрами (с целью организации подобного эксперимента) – обычное, почти «левое» дело!

В общем, я был настолько ошарашен, что, проклиная все и вся, ушел из здания ГКНТ не солоно хлебавши. И вдруг меня осенило. А может быть, найти объект эксперимента – не такая уж непосильная задача? Ведь Э.П. Райхман, мой самый близкий товарищ по занятиям квалиметрией, несколько лет назад сделал хорошую диссертацию по квалиметрии. И внедряющим предприятием у него был НИИ часовой промышленности! В общем, я разыскал номер телефона Б.М. Черныгина, замдиректора по науке этого НИИ, и уговорил его рискнуть сделать его институт участником эксперимента.

А дальше все было делом техники. Звонок к НОО и просьба принять меня уже вдвоем с Черныгиным. Затем мы долго и конструктивно обсуждали детали будущего эксперимента. Я (по жизни – пессимист) глазам и ушам своим не верил: неужели квалиме-

трия наконец получит возможность продемонстрировать свой огромный потенциал?

И тут совершенно неожиданно я получил удар, которого инстинктивно боялся, поскольку не знал, откуда он придет. Когда мы втроем обо всем вроде бы договорились, Чернягин внезапно обратился ко мне с поистине фантастической просьбой. Чтобы я получил у его большого начальства (министра приборостроения, средств автоматизации и приборов управления СССР) разрешение на проведение этого злосчастного эксперимента!

Ну, тут я понял, что мои возможности исчерпаны. И мы распрощались с НОО и Чернягиным. Как говорится, плетью обуха не перешибешь!

Попытка «вывести квалиметрию в люди» оказалась бесславной, слабым утешением можно было бы считать, что и сам пленум ЦК, по не очень понятной для меня причине, отменили. Можно было сказать: «*Finita la comedia!*» и постараться поскорее забыть этот очередной досадный в истории квалиметрии эпизод.

Но я недооценил силу случайностей.

Как-то раз на одном научном совещании ко мне подошел совершенно незнакомый мне человек и сказал, что наши жизненные пути однажды весьма драматически пересеклись. Он представился бывшим директором института НИИчаспром (у которого Б.М. Чернягин был заместителем по науке). И не просто заместителем, а заместителем в то время, когда чуть не решилась судьба квалиметрии... Мне стало все ясно. И дальнейший рассказ моего нового знакомого это подтвердил. НИИчаспром получил от самого Косыгина (второго человека в стране) почетное задание: разработать конструкцию первых в СССР электронных часов. И когда однажды Косыгин посетил институт, ему решили продемонстрировать, как выполнено его задание. Ну а дальше сработал знаменитый «закон несрабатывания новинки именно тогда, когда ее демонстрируют начальству».

Косыгин, как водится, «обиделся», а у директора института (моего нового знакомого) надолго выработался стойкий рефлекс отвращения ко всяким экспериментам. А тут еще какой-то Азгальдов со своим непонятым предложением... В общем, зам. по науке получил от директора института строгий приказ: «Пока я жив – никаких экспериментов».

Вот так, вроде бы случайно, было загублено хорошее дело.

Письмо Председателю Правительства РФ Касьянову М.М.

Однажды в начале 2000-х годов директор ЦЭМИ РАН был в командировке, а его обязанности испол-

нял академик Д.С. Львов, с которым я был знаком с тех пор, когда он был еще только кандидатом наук. Львов кое-что знал о квалиметрии, и мне не составило большого труда уговорить его сыграть такую же роль, какую в 1939 г. сыграл Эйнштейн, от которого президент Рузвельт получил информацию о возможностях атомной бомбы и инициировал начало работ по ее созданию.

В общем, от имени ЦЭМИ академик Д.С. Львов подписал подготовленные мной письма на имя предсовмина РФ и президента РАН, в которых обосновывалась необходимость проведения экспериментальной проверки возможности использования квалиметрии с целью интенсификации развития народного хозяйства РФ. Дня через три его пригласили в Совет Министров РФ. Однако защищать основные положения предложенного эксперимента руководство ЦЭМИ поручило мне.

Разбирательство письма ЦЭМИ производилось в узком составе. Присутствовали представители пяти ключевых министерств (финансов, машиностроения, энергетики, ГКНТ, Госстандарта) и я, как представитель ЦЭМИ. Вел совещание заместитель председателя экспертного совета при предсовмине.

Мне предоставили сорок минут для обоснования позиции ЦЭМИ, а затем я почти час отвечал на вопросы (далеко не всегда благожелательные) присутствующих. Затем произошло что-то, для меня совершенно непонятное. Ведь я, как научный работник, готовился отстаивать свою позицию. То есть предполагалась некоторая дискуссия. Но никакой дискуссии и близко не было! Вместо нее представители всех пяти министерств по очереди вынули из своих папок заранее заготовленные и напечатанные на машинке отрицательные отзывы на предложения ЦЭМИ!

Спрашивается: зачем было представителю ЦЭМИ выступать и отвечать на вопросы экспертов из министерств, если им все уже было заранее ясно? В общем, все это выглядело как плохо поставленный спектакль.

Проводивший совещание заместитель председателя экспертного совета, по-видимому, тоже почувствовал, что обсуждение предложения ЦЭМИ проходит как-то не так, и в заключительном слове предложил компромиссное решение типа: «Совещание отмечает, что предложение ЦЭМИ РАН является потенциально полезным, но для своей реализации требует принятия важных законодательных решений».

Мне стало ясно, что такая формулировка представляет собой не что иное, как классический вид отписки. Тем более что от администрации Касьянова никаких сигналов больше не поступало.